

На правах рукописи

Надыкто Ольга Олеговна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы образовательного частного учреждения высшего образования «Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01.), доцент **Круглова Татьяна Сергеевна**, профессор кафедры «Перевод и переводоведение» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет»;

кандидат филологических наук (10.01.01.) **Чехунова Ольга Александровна**, консультант по внешним коммуникациям ИТ-компании CUSTIS (ООО «Заказные ИнформСистемы»).

Ведущая организация: ФГБ УН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук» (отдел русской литературы конца XIX – начала XX века).

Защита состоится 16 сентября 2016 года в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru/> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «15 » августа 2016 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень изученности проблемы. Начало XX века в историческом, культурном и литературном процессах ознаменовалось широким распространением новых, модернистских течений, философских идей и взглядов. Личная и общественная картины мира под их воздействием претерпевали беспрецедентные метаморфозы. Первая мировая война, гражданские войны и революции сталкивали неподготовленного человека с лицом жестокой реальности, возникало ощущение смыслоутраты, одиночества, отчаяния, пустоты. На волне этих настроений в Европе, а также и в России, зародилось новое философское течение — *экзистенциализм*. Деятели искусства и литературы, остро чувствовавшие дух времени, испытывали в своем творчестве влияние *философии существования*. Мыслители и писатели (Ж.-П. Сартр и А. Камю — во Франции, М. Хайдеггер — в Германии, Н. Бердяев и Л. Шестов в России) декларировали в своих трактатах, эссе и художественных произведениях мотивы отчужденности, пустоты, утраты смысла жизни и предпринимали попытки найти нечто новое, лежащее за пределами обыденного восприятия. Экзистенциалистское мироощущение проникло и русскую литературу. Как справедливо утверждает В.А. Мескин, «литература начала нового века тяготеет к выражению экзистенциального мироощущения, художники, хотя и в разной степени, просто не могли избежать этого тяготения в условиях кризиса религиозного сознания. <...> Вопрос, выражали ли ранний Горький, Сологуб, Андреев или Бунин экзистенциальное мироощущение, носит отчасти схоластический характер. Не могли не выразить!» («Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX вв.» Москва, 1997. С.12)

Марина Цветаева, эмигрировавшая из России в 1920-е годы, испытывала на себе все тяготы жизни человека без отечества, без своего «угла», мотивы ее лирических произведений наполнялись ситуациями пустоты, смерти, одиночества, страха, смыслоутраты.

В настоящей работе рассматриваются мотивы цветаевской лирики именно в экзистенциальном ключе. Выдвигается следующая гипотеза: несмотря на отсутствие четких философских деклараций Цветаевой, в 1920-е – 30-е годы ключевые мотивы ее лирики имеют ярко выраженную экзистенциальную природу. Исток этого феномена – в стихийном

экзистенциальном мироощущении автора, сформировавшемся в социокультурном контексте переломной эпохи и имеющем явное типологическое сходство с основными теоретическими положениями философов-экзистенциалистов.

Безусловно, анализ творчества Марины Цветаевой представлен большим количеством научных исследований, мотивика Цветаевой получила разноаспектное освещение в работах известных отечественных и зарубежных исследователей, в частности, таких, как: А. А. Саакянц, В. А. Швейцер, И. В. Кудрова, М. Л. Гаспаров, И. Д. Шевеленко, Н. О. Осипова, Н. В. Дзуцева, Л. В. Зубова, О. Г. Ревзина, Е. Б. Коркина, О. А. Клинг, К. Ф. Тарановский, С. И. Ельницкая, А. Смит, Е. Г. Эткин, Е. Фарыно, В. Ф. Марков, М. Мейкин, Л. Г. Кихней, Т. С. Круглова и др.

Исследователи зачастую обращаются к рассмотрению ключевых мотивов Цветаевой *через биографическую призму* (в монографиях: «Быт и бытие Марины Цветаевой» В.А. Швейцер; «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» А.А. Саакянц; «Гибель Марины Цветаевой» И.В. Кудровой; «Осенняя биография» М.И. Цветаевой Н.О.Осиповой и др.); *через лингвистическую призму* (например, в работах: «Язык поэзии Марины Цветаевой. Фонетика, словообразование, фразеология» Л.В. Зубовой; «Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта» О.Г. Ревзиной); *через мифопоэтическую призму* (в трудах: «Поэтический мир Цветаевой» С.И. Ельницкой; «Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века» Н.О. Осиповой; «Литературный путь Цветаевой» И.Д. Шевеленко и др.); *сквозь диалогическую призму* (в частности, в монографии: «“Поэт есть ответ”: фактор адресации в лирике Марины Цветаевой» Л. Г. Кихней и Т. С. Кругловой).

Особое внимание мы уделяем монографиям Н.А. Шлемовой «Эстетика трансцендентного в творчестве Марины Цветаевой. Марина Цветаева: метафизический космос поэзии (философско-эзотерический аспект творчества)» (М., 2007) и В.В. Заманской, «Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий / Учебное пособие» (М., 2002).

Первая исследовательница анализирует поэзию Цветаевой в контексте «трансцендентальной» философии, вторая – в контексте «экзистенциальной

литературы», к коей она относит многих крупных отечественных авторов, начиная с XIX века.

Однако мы считаем, что трансцендентализм или экзистенциализм как система философских установок, не появляется в художественном сознании Цветаевой, так сказать, «по умолчанию», как некая генетическая предрасположенность по праву принадлежности к отечественному литературному процессу, но развивается под воздействием жизненных реалий. Этот процесс мы подробно рассматриваем в соответствующей главе нашей работы, выводя основные экзистенциальные доминанты, основываясь на анализе работ писателей и философов, разделявших данное мировоззрение.

Таким образом, **актуальность нашего исследования** обусловлена новым взглядом на философские, социокультурные и общечеловеческие ценности, составляющие художественную картину мира Марины Цветаевой. Ранее все представленные в творчестве Цветаевой мотивы были рассмотрены с точки зрения их непосредственного отражения в лирике, опираясь на биографический, языковедческий, мифопоэтический аспекты.

Мы же исследуем эти ценности в ракурсе экзистенциальной философии. **Актуальность** такого взгляда на творчество Цветаевой обуславливается также особенностями жизненных реалий поэта в 1920-40-е гг., оказавших влияние на становление философской картины мира Цветаевой.

Также отметим, что экзистенциальные идеи в современном художественном сознании не потеряли своей актуальности. В связи с этим анализ лирики Марины Цветаевой через призму экзистенциальных идей представляет собой определенный **теоретический** интерес.

Объектом нашего исследования являются лирические произведения Марины Цветаевой преимущественно 1920-х - рубежа 40-х гг. Также в нашем исследовании мы будем обращаться и к более ранним лирическим произведениям поэтессы, к ее эпистолярному и литературно-критическому наследию, все это для нас является материалом, который позволяет проследить становление и трансформацию философских установок в художественной картине мира Цветаевой.

Предмет нашего исследования — воплощение основных экзистенциальных доминант в мотивах поэзии Марины Цветаевой.

Цель работы – выявить экзистенциальные мотивно-образные комплексы в поэзии Марины Цветаевой и исследовать системную взаимосвязь их элементов.

Поставленная цель определяет **задачи** работы:

1. дать определение термина «экзистенциализм» с ориентацией на цели и задачи диссертационного исследования;
2. выделить главные доминанты экзистенциализма как творческого мировоззрения, а также основные мотивно-тематические комплексы, актуальные для данного исследования;
3. вычленив в лирике Цветаевой систему философско-эстетических установок, связанных с экзистенциализмом, и соотнести их с мотивно-образной структурой ее поэзии.

При написании данного исследования была использована **комплексная методология**, которая помогла целостно, детально и глубинно рассмотреть изучаемую проблематику. В частности, мы использовали **системно-типологический, культурно-исторический** методы, методики **герменевтического, мотивного и структурно-семантического** анализа.

Теоретико-методологическую основу данной исследовательской работы составляют труды по теории литературы, истории литературы, философии. В частности, при рассмотрении такого понятия как *мотив* художественного произведения мы опирались на исследования по поэтике Б. В. Томашевского, А.Н. Веселовского, Е.В. Ермиловой, А. Ханзен-Лёве, М.Л. Гаспарова. Важными с точки зрения *структурно-семантического анализа* для нас стали работы Ю.М. Лотмана, Н.В. Тишуниной, Р. Барта, И.М. Ильина, И.Б. Борисовой. При рассмотрении понятий *лирический герой, лирический сюжет, конфликт* мы опирались на работы М.М. Бахтина, Б.М. Эйхенбаума, Л.Я. Гинзбург, И.Б. Роднянской, Ю.В. Шевчук, С.Н. Бройтмана.

Важным методологическим подспорьем для нашей работы послужили труды С.В. Бабушкиной, Т.С. Кругловой, Е.В. Дзюбы, Г.Ф. Ситдиковой, М.Л. Гаспарова, Н.В. Дзуцевой, И.И. Бабенко, в которых рассматриваются особенности развития поэтики Марины Цветаевой, ее философская онтология во взаимодействии с западным и русским экзистенциализмом, концептуальная природа понятий жизнь и смерть в творчестве поэта, мотив одиночества,

коммуникативные установки и адресованная лирика Цветаевой. Важными для нашей работы являются исследования по проблематике и поэтике Серебряного века, эмигрантской поэзии, в частности, труды В.В. Полонского, А.И. Чагина, О.А. Клинга, С. Ельницкой, Д.М. Магомедовой, С.М. Пинаева, Е.В. Ермиловой, Л.А. Колобаевой, О.А. Чехуновой, Н.В. Налегач, О.И. Федотова, А.В. Леденева., М.В. Михайловой.

Нельзя не отметить и значимость для нас трудов Л.А. Козлова и В.А. Масловой, в которых исследуется понятие «*концептосферы*» в целом и применительно к творчеству Марины Цветаевой, работ Т.Л. Павловой и А.Г. Коваленко, в которых исследуется категория художественного конфликта, в том числе и на материале поэзии М. Цветаевой, а также исследований Ю.Н. Карауловой и Г.И. Богина о *языковой личности*.

Также особую важность для нас представляют работы по философии экзистенциализма О.Ф. Болльнова, С.И. Великовского, П.П. Гайденко, М.Л. Ключевой, Г. Лукича, Т.М. Тузовой и, собственно труды философов-экзистенциалистов Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера, Н. Бердяева, Л. Шестова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Из многообразия мотивов творчества Марины Цветаевой выделены те, которые, в первую очередь, отвечают экзистенциальной концепции мира и воплощают основные категории философии существования. Это мотивы **любви, одиночества, времени, сна и смерти**. Отталкиваясь от выявленных в теоретической части экзистенциальных констант, и обращаясь к известным нам биографическим реалиям, оказавшим влияние на становление философской картины мира поэта, мы проводим мотивно-образный анализ лирических произведений Марины Цветаевой и выявляем определенную систему мотивов, отвечающих концепции ее экзистенциального мироощущения.
2. Рассматривая мотив **любви**, мы приходим к выводу, что в нем Цветаева воплощает экзистенциальную дихотомию *иметь/быть*, где *иметь* подразумевает под собой «любовь-обладание», а *быть* – это «любовь-коммуникация» с другим «бытием-в-себе», чуждая физическому проявлению сущности. Анализируя образно-семантический ряд, присущий лирическому воплощению как одной,

так и другой доминанты, мы замечаем, что через ряд образов в любовной лирике Цветаевой проявляется проекция мотива *смерти*. Встречающиеся в ней образы, так или иначе, можно расценивать как номосы концепта «смерть». И сама метаситуация, присущая любовной лирике Цветаевой, ставит автора и героев ее лирических произведений в положение «пограничного состояния», глубокого переживания, разлуки, боли, болезни, позволяющего через осознание близкой и неизбежной смерти, постичь трансцендентное, как это характерно для экзистенциального восприятия мира.

3. Подобные процессы мы замечаем и при рассмотрении системы образов, относящейся к мотиву **времени**, распадающегося на экзистенциальные понятия *временности* мира вещественного и вневременности *бытия, мира истинного*. Образы тщеты, сна, разорванности вновь рефреном транслируют экзистенциальную доминанту *смерти*, как освобождение от временности вещественного.
4. Мотив **одиночества** в своем экзистенциальном воплощении в поэтике Цветаевой указывает на отчужденность индивидуума, его заброшенность в мир абсурда, а также, с другой стороны, объявляет одиночество как одну из вечных ценностей, как состояние, позволяющее сконцентрироваться внутри себя и постичь истинное бытие. Образный ряд в этих стихах говорит о сиротстве, болезни, потерянности, судном дне и вновь приводит нас к понятию *смерти*.
5. Собственно, сам мотив **смерти** под воздействием жизненных реалий, с течением времени в творчестве Цветаевой приобретает все более и более философское звучание. Он постепенно вбирает в себя и отражает, затронутые выше экзистенциальные модусы отчужденности, абсурдности бытия, любви-бытия и любви-обладания, бытия мнимого и бытия истинного, временности онтологического и вневременности трансцендентного. Данное воплощение прослеживается через ряд образов, встречавшихся нам и в ранее рассмотренных мотивах любви, одиночества, времени, а именно, через образы огня, поезда, существования «вне», удушья.
6. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой являются воплощением системы философских и художественных взглядов, в

основе которой лежит мотив смерти как главного *пограничного состояния*, позволяющего поэту приблизиться к пониманию **экзистенции**. Мотив смерти как центрообразующий в системе экзистенциальных мотивов поэзии Цветаевой включает в себя образные элементы других составляющих данной системы.

7. Вычленение и анализ экзистенциальных мотивов крайне важны как способ реконструкции художественного мышления и сознания поэта в целом – той сферы, которая не раскрывается или далеко не исчерпывается при изучении жанрового своеобразия ее лирики, специфики образных форм воплощения поэтической индивидуальности. Для творчества М. Цветаевой этот аспект исследования на наш взгляд, наиболее целесообразен.

Новизна данной работы заключается в том, что здесь впервые воплощение философских доминант в творчестве Марины Цветаевой будет рассмотрено как система экзистенциальных мотивов, объединенных на образно-семантическом уровне.

Апробация результатов исследования. Результаты теоретических исследований комплекса экзистенциальных мотивов в лирике М.И. Цветаевой, заявленные в данной диссертационной работе, докладывались и обсуждались на семинарах научных конференциях («Грибоедовские чтения» 2009-2015 гг., г. Москва).

Структура исследовательской работы обусловлена ее задачами и состоит из введения, двух глав (состоящих из ряда параграфов и подпараграфов), заключения и списка литературы, насчитывающего 177 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации дается краткая история вопроса, обосновываются актуальность и новизна выбранной темы, определяются предмет, объект, цели и основные задачи работы, описывается комплексная методология исследования.

Первая глава («Экзистенциализм и литература») раскрывает основные понятия экзистенциализма как философского направления. В ней анализируются различные подходы к изучению экзистенциальных мотивов в

литературе, дается характеристика источниковой базы исследования и разрабатывается рабочий алгоритм исследования.

В параграфе 1.1. («Экзистенциализм как философская школа») приводится подробное описание становления экзистенциализма как философской школы, вводятся основные понятия, свойственные этому течению, рассматривается воплощение экзистенциальных категорий в литературе. В частности, анализируются такие категории философии существования, как *подлинность* и *неподлинность* бытия, *трансценденция* и *ситуационность*, «*заброшенность*» в жизнь и т.д. Вводится понятие «пограничной ситуации» как катализатора экзистенциальных переживаний.

В этом же параграфе раскрывается влияние философии существования на литературу, рассматривается проявление экзистенциальных мотивов в творчестве писателей и поэтов начала XX века. Выводится определение таких концептов, как *любовь*, *время*, *одиночество*, *сон*, *смерть* - исходя из экзистенциальной философии и применительно к поэтике М. Цветаевой.

В параграфе 1.2 рассматривается «**история изучения экзистенциальных мотивов в творчестве М.И. Цветаевой**». Аналитически освещаются позиции Н.А. Шлемовой, Е.В. Дзюбы, Г.Ф. Ситдиковой, М.Ю. Бельской, В.А. Масловой, В.В. Заманской, Т.Л. Павловой, С.В. Бабушкиной, вводится понятие «концептосферы».

Подчеркивается концептуальное значение указанной выше монографии Н.А. Шлемовой, посвященной эстетике трансцендентного в творчестве Цветаевой. Однако указывается, что вводя немаловажное понятие «трансцендентного», исследовательница в своей работе отталкивается скорее от проявления в творчестве Цветаевой начал эзотерической психологии, проявляющихся через фонетический и семантический уровни ее поэтики, основное внимание уделяя угадываемому воплощению теологических установок, нежели собственно философско-экзистенциальных.

Сути полемики с концепцией В.В. Заманской, изложенной в ее труде «Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века» и развернутой в данном параграфе, мы уже коснулись выше.

Однако мы отмечаем, что В.В. Заманская в своем исследовании постулирует немаловажную для нас идею о том, что «русская литература XX века складывалась, существует — и должна изучаться — как органическая

часть общеевропейского культурного пространства» (Заманская В.В. Указ. соч. С.25). В этом смысле, творчество Марины Цветаевой, принадлежащее к русской литературе, естественно рассматривается нами в связи с общеевропейским культурным пространством, так как именно в Европе и возникают основные экзистенциальные идеи XX столетия.

В главе второй («Экзистенциальные доминанты «обладание» и «бытие», «временность», «отчужденность» и их воплощение в поэтике Марины Цветаевой») приводится мотивно-образный анализ произведений поэта с точки зрения воплощения этих экзистенциальных установок. Исследование приводит нас к выводу, что среди экзистенциальных концептов (*любви, одиночества, времени* и т.д) центральным в лирике Цветаевой следует признать мотив смерти, как воплощающий пограничную ситуацию, характерную для экзистенциального мировосприятия.

В параграфе 2.1. («Воплощение экзистенциальных доминант «обладание» и «бытие» в поэтике Цветаевой через мотив любви») анализируется ряд произведений Цветаевой (в частности, стихи из лирических циклов «Федра», «Дон Жуан», «Комедьянт», «Приметы»), в которых обнаруживается система образов, указывающих на экзистенциальную природу воплощенного в них мотива любви. Анализ этих произведений помогает там выявить в них повторение образов: *боли, крови, огня, пепла, и души, духа, бога, стихии*, которые ретранслируют через мотив любви экзистенциальную дихотомию *обладание\бытие*

В параграфе 2.2. («Воплощение экзистенциальной доминанты «временность» в поэтике М. Цветаевой через мотив времени») анализируется представление о времени в художественной картине мира Цветаевой через экзистенциальный конфликт «временности» всего сущего и вневременных явлений. В таких произведениях как «Минута», «Хвала Времени», «Поезд Жизни», «Попытка комнаты», «С моря» мы обнаруживаем повторяющиеся образы *тщеты, разорванности, сна, мнимости*, воплощающие экзистенциальную идею о *пограничном состоянии*. В параграфе также рассматриваются такие понятия как «визионерский тип творчества» и «интермедиальность», тесно связанные с проявлением феномена времени в поэтике автора.

В параграфе 2.3 («Воплощение экзистенциальной дихотомии «бытие истинное» - «бытие мнимое» в поэтике М. Цветаевой через мотив сна») рассматривается противопоставление вещественной реальности («мнимой») и мира творчества и сновидений («истинного»). В контексте воплощения экзистенциального конфликта «истинного» и «мнимого» бытия рассматривается и понятие «лирического героя», анализируется взаимоотношение личности автора и создаваемого им героя в творчестве Цветаевой. В параграфе анализируются лирические циклы «Подруга», «Стихи о Москве», «Дон Жуан».

В параграфе 2.4. («Воплощение экзистенциальной доминанты «отчуждение» в поэтике Марины Цветаевой через мотив одиночества») рассматривается экзистенциальная природа одиночества в картине мира Цветаевой. При помощи анализа таких произведений, как «Вы, идущие мимо меня...», «Есть в мире лишние, добавочные...», «Что же мне делать, слепцу и пасынку...», «Но тесна вдвоем...», «Уединение: уйди...», «Молодец», «Двое», мы выявляем в творчестве Цветаевой многоуровневый экзистенциальный конфликт: лирического героя и окружающей действительности, внутреннего «я» и физической составляющей, необходимости коммуникации и стремления к «я-в-себе», а также конфликт разных ипостасей лирической героини между собой. Образная структура проанализированных произведений наполнена семантикой *сиротства, мнимости, ненужности, смерти*.

В параграфе 2.5. («Мотив смерти как системообразующий в экзистенциальной картине мира Марины Цветаевой») рассматривается трансформация мотива смерти в художественном восприятии Цветаевой от практически романтически-идеалистического до глубоко экзистенциального. Анализ стихов и лирических циклов, посвященных этой тематике («Молитва», «Осыпались листья над Вашей могилой...», «Так, Господи! И мой обол...», «Ветхозаветная тишина...», «Сад», «Жив, а не умер...», «Брат по песенной беде...», «Надгробие», «Новогоднее», «В мыслях об ином, инаком...» и др.), приводит к выводу о системообразующей роли мотива смерти в экзистенциальной картине мира Цветаевой. Повторяющиеся в этих произведениях образы («огня», «боли», «жары», «поезда», «часа», «лавины дней») коррелируют с уже рассмотренными экзистенциальными доминантами «отчужденности», «временности» и дихотомией «обладание\бытие»

Сталкиваясь с явлением смерти, поэт приближается к пониманию экзистенции, она служит катализатором философских размышлений о рассмотренных в других параграфах работы феноменах.

В заключении отражены основные результаты работы.

В ходе проведенного анализа мы пришли к выводу, что экзистенциальные категории составляют основу художественной картины мира Марины Цветаевой. Их можно рассматривать в трех различных аспектах: с философской, лингвистической и литературоведческой точек зрения. Эта экзистенциальная «триада» дает определенный ключ к пониманию творчества Цветаевой. Так, *философские категории* проявляют себя как опорные концепты *языковой личности*, а их реализацией является сложный комплекс взаимосвязанных *мотивов*. В первую очередь, это мотивы *любви, времени, сна, одиночества, смерти*. При их рассмотрении мы сделали следующие выводы:

- Любовь как эрос в экзистенциальном сознании сама по себе не присутствует, так как существу чужды проявления страстей, и оно не может быть ими объяснено. Но любовь в экзистенциальной философии разграничивается на две составляющие: любовь онтологическую, вещественную, физиологическую, называемую обладанием (а обладание сковывает наше сознание, не дает выхода в трансцендентное, к чему стремится носитель экзистенциальной картины мира), и любовь — позволяющую стереть границы телесного и прийти к пониманию своего существования через другое самобытие, прийти к слиянию, не обусловленному вещественными признаками объектов, называемую коммуникацией. Любовь среди мотивов творчества Марины Цветаевой является одной из базовых категорий, которые «прочитываются» ею в экзистенциальном ключе.

Обладание объектом любви в художественной картине мира Цветаевой воплощает эротическую составляющую этого чувства, напрямую связанную с миром вещественным. Другая сторона мотива любви в творчестве Цветаевой — это любовь неовещественная, проявляющаяся как слияние сущностей, позволяющая постичь «бытие-в-себе» через другое самобытие. Цветаева, стремясь к выходу в трансцендентное, часто намеренно выводит объект любви из области созерцательного-чувственного восприятия.

По воспоминаниям современников и самой Цветаевой, ей гораздо интереснее и проще было любить не человека реального, существующего здесь

и сейчас, а образ, созданный ею. В любовной лирике Цветаевой через ряд образов мы опосредованно приходим к рефреном повторяющемуся мотиву смерти или сна, как пограничному состоянию, позволяющему воплотить задуманное поэтом и выйти за пределы онтологического, в трансцендентное, что характерно для экзистенциального восприятия мира. С одной стороны, направленность на любовь является одной из основных жизненных установок лирической героини Цветаевой, а с другой стороны, героиня, пытаясь сохранить свою самость, в конечном итоге, протестует против полного ее растворения в «другом» и находит истинную свободу в экзистенциальном одиночестве.

- Анализируя трансформации, которые претерпевает мотив *одиночества* в лирике Марины Цветаевой, мы также можем наблюдать, как постепенно он воплощает в себе характерные для экзистенциальной философии установки. В рассматриваемых нами произведениях поднимаются темы «невозможности», неволе, ненужности человека в мире. При этом экзистенциальное отчуждение в картине мира Цветаевой не ограничивается разрывом фундаментальных связей личности и общества. Следствиями этого состояния становятся как дистанцированность одного субъекта от другого, так и отвращение человека к самому себе. Также возникает экзистенциальный конфликт разных сторон личности, ипостасей лирической героини Цветаевой. Тем не менее, одиночество воспринимается автором и как экзистенциальная свобода, возможность познать себя. В этом смысле отчуждение неустранимо и оно само является *условием прорыва* к подлинному бытию. В рассматриваемых нами стихотворениях образный ряд, включающий в себя образы «каторги», «ямы», «тесноты», «безмерности» возвращает нас к характерной для цветаевской лирики метаситуации *смерти*, которая, с экзистенциальной точки зрения, трактуется как пограничное состояние, призванное высвободить истинную сущность личности.

- Мотив *времени* в поэзии Марины Цветаевой так же, как и мотив любви носит двойственный характер и не может поддаваться односторонней трактовке. Время в художественной системе Марины Цветаевой – это не просто делящаяся цепочка «прошлое-настоящее-будущее», это воплощение экзистенциальных понятий о времени, как о движущей силе постижения собственного бытия. Мотив времени в поэзии Цветаевой развивается, как

правило, в двух основных направлениях: *по вертикали*, обозначая *временность*, *преходящность*, обреченность мира вещественного и *вневременность* индивидуальной сущности, экзистенции человека; и *по горизонтали*, обозначая наличествующую *действительность* и будущую *возможность*.

Конфликт времени онтологического и вневременности экзистенциального встает в ее произведениях довольно часто, экзистенциальный мотив времени в поэзии Марины Цветаевой находит свое воплощение в образах *тщеты*, *разорванности*, *сна*, *мнимости*, также являющихся носителями концепта *смерть*, воплощающими экзистенциальную идею о пограничном состоянии, в котором только и возможно познать «бытие-в-себе».

- Феномен *сна* в экзистенциальном понимании, как некую проекцию смерти можно отнести к пограничным ситуациям, позволяющим сознанию выйти за рамки детерминированного вещественными и временными признаками бытия и достичь трансцендентного, ощутив полноту существования. Во сне смещаются рамки пространства и времени, отсутствует физическое воплощение. Соответственно, происходит переход от «*бытия мнимого*» (вещественной реальности) к «*бытию истинному*». В поэтике Марины Цветаевой мотив сна, как правило, воплощает оппозицию сон/явь, где «сон» представляет собой переход в состояние возможно даже более реальное, осознанное и важное для поэта, нежели бодрствование. Возможности цветаевского сна не ограничены.

Этот иной мир, мир сна для Цветаевой — не только один из способов эскапизма, но пространство, в котором живут и встречаются «души», то есть, в экзистенциальном понимании, истинные сущности. Поэтому общение «во сне» было для Цветаевой полнее и осязаемее, чем общение наяву.

В поэтике Марины Цветаевой мотив «сна» четко отражает экзистенциальную дихотомию «бытие истинное» - «бытие мнимое» через постоянно повторяющуюся оппозицию «сна» - «яви», где сон представляется пространством более реальным и менее ограниченным какими-либо внешними влияниями, чем явь.

- Еще одним, основным выводом по результатам исследования мы можем назвать представление о том, что поэзия Марины Ивановны Цветаевой — сложнейший макрокосмос, объединенный сплетениями различных мотивов,

центральным из которых следует признать мотив *смерти*. Интерес к этой экзистенциальной доминанте у автора проявляется чрезвычайно рано: уже в юношеских стихотворениях Цветаева постоянно пишет о смерти, умирании, о конечности человеческого существования.

С мотивом смерти тесно связаны и другие экзистенциальные доминанты творчества Цветаевой: дихотомии «сон – бессонница», «любовь – одиночество» и пр. Эти противопоставления антиномичны – как и в философских концепциях, основа построения поэтического мира Цветаевой заключается в противоречиях, которые невозможно разрешить, но которые, однако являются базой организации нашего мира. Так, любовь, понимаемая как оппозиция «иметь»/«быть», неразрывно связана с одиночеством: зачастую объектом любви становится тот, кто далек от любящего, либо не в состоянии в полной мере оценить глубину и силу его любви.

Одиночество становится причиной тоски, желания смерти, которая, в свою очередь, становится причиной противопоставления себя – всему миру. Сон, который одновременно предстает и как отдых от переживаний и трудов, является как бы репетицией смерти: погружаться в мир сна страшно, так как из него можно не вернуться. Мифологические представления о сне-смерти приводят к возникновению положительной оценки бессонницы. В то же время бессонница предстает и как мучительное состояние, избавлением от которого становится долгожданный сон.

Сам мотив *смерти*, с течением времени приобретающий все более и более философское звучание, постепенно вбирает в себя и отражает затронутые экзистенциальные модусы отчужденности, абсурдности бытия, обладания, бытия мнимого и бытия истинного, временности онтологического и вневременности трансцендентного. Прослеживаем мы данное воплощение через ряд образов, встречавшихся нам в произведениях, транслировавших мотивы любви, одиночества, времени.

В итоге мы пришли к заключению, что вычленение и анализ экзистенциальных мотивов оказываются эффективным способом реконструкции внутреннего бытия поэтессы, ее сознания и художественного мышления.

Предложенный угол зрения и алгоритм рассмотрения творчества Марины Цветаевой в экзистенциальной парадигме, безусловно, имеет перспективы

развития, поскольку может быть приложен, во-первых, к поэмам, драматургии и прозе Цветаевой, а во-вторых, к некоторым другим поэтам, жившим и творившим в эпоху «великого перелома».

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Публикации в ведущих рецензированных научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Надыкто О.О. Экзистенциальный аспект преломления мотива любви в творчестве Марины Цветаевой // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Тверь, 2014. №3. С. 436-440.

2. Надыкто О.О. Мотив одиночества в лирике Марины Цветаевой как воплощение экзистенциальной доминанты «отчуждения» // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. 2015. Выпуск 6 [28], т. 2. Пенза, 2015. С. 268-272.

3. Надыкто О.О. (в соавторстве с Кихней Л.Г. и Павловой Т.Л.) Экзистенциальный конфликт и семантика имени в поэме Цветаевой «Молодец» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. №3. С. 404–409.

Публикации в других научных изданиях:

4. Надыкто О.О. Экзистенциальный подход к смерти в лирике Цветаевой // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей. Вып. 2009 года. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2009. С.177 -180.

5. Надыкто О.О. Экзистенциальный аспект «любви» в поэзии Марины Цветаевой // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей. Вып. 2013 года. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2013. С. 177-180.

6. Надыкто О.О. Оппозиция сна-яви в лирике Марины Цветаевой: экзистенциальный аспект // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей. Вып. 2014 года. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014.С. 190-192.

Надыкто Ольга Олеговна (Россия)

Экзистенциальные мотивы в творчестве Марины Цветаевой

Диссертационное исследование посвящено подробному изучению специфики воплощения в поэтике Марины Цветаевой таких экзистенциальных мотивов, как любовь, одиночество, время, сон, смерть. Проведен мотивно-образный анализ произведений, транслирующих этих мотивов и выявлены системы образов, отражающих экзистенциальные концепты. В результате был выделен мотивно-образный комплекс, воплощающий экзистенциальные установки в поэтике Цветаевой, такие как «обладание и бытие», «отчужденность», «временность» и т.д.

Nadykto Olga Olegovna (Russia)

The existential motifs in the works of Marina Tsvetaeva

The thesis is devoted to the detailed study of specific embodiment of the existential motives such as love, loneliness, time, sleep, death in the poetics of Marina Tsvetaeva. It consist the motive-figurative analysis of the works featured in these motifs. Theanalysis helped to identify the system of images that reflect existential concepts of Tsvetaeva`s poetics. In the result wasdiscoveredthe motive-figurativecomplex embodyingthe existential installation in the poetics of Marina Tsvetaeva, such as "having and being", "alienation", "temporality", etc.